

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

<p>АНИСИН А.Л., доктор философских наук, доцент, anisin@bk.ru Кафедра философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, Амурская, 75</p>	<p>ANISIN A.L., Doctor of Philosophical Sciences, associate professor, anisin@bk.ru Chair of philosophy, foreign languages and humanitarian training of law enforcement officers; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation</p>
---	--

ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Реферат. Рассматриваются философские, этические и идеологические положения, предлагаемые в качестве основ современной правоприменительной и правозащитной политики государства. В качестве собственной и коренной задачи права констатируется утверждение идеала Правды в суждении о делах людей (без такого идеала задача обеспечения порядка и безопасности не может правильно ставиться и решаться). Показано противоречие между наименованием и сущностью правозащитной деятельности: правозащитники защищают фактически не право, а человека. В адекватном же смысле правозащитной деятельностью занимается, скорее, прокуратура. Так называемая «правозащитная» (а на деле праворазрушительная) деятельность зачастую построена на том, чтобы вывести человека из-под действия человеческих норм жизни, списав его поступки на невменяемость, на аффект, на тяжелые условия жизни. Отрицательно оценивается решение о предоставлении судам права изменять категорию преступления на менее тяжкую. Критикуется институт условно-досрочного освобождения как неправовой акт (по сути, помилование, идущее вразрез с требованиями закона, выраженными в первоначальном приговоре). Обосновывается парадоксальная мысль о том, что смертная казнь способна содействовать истинной гуманизации общества (последний шанс умереть человеком). Применение смертной казни способно открыть возможность к тому, чтобы пожалеть в преступнике человека. В качестве основы правоохранительной политики предлагается признание высшим ценностным ориентиром идеала социально-нравственной Правды. Государство должно поддерживать инициативы милосердия, но это не может затрагивать правовые основы существования общества. Защита прав и достоинства человека должна исходить из обязанности быть человеком (ответственность перед лицом Высшей Правды).

Ключевые слова: сущность права, свобода, ответственность, идеал Правды, правозащитная деятельность, либерализация законодательства, правовая политика.

IDEOLOGICAL AND THEORETICAL PRINCIPLES OF LAW ENFORCEMENT AND HUMAN RIGHTS PROTECTION POLICY

Abstract. The philosophical, ethical and ideological propositions suggested as the principles of modern law enforcement and human rights state policy are considered. Establishing the ideal of the Truth in judgments on people's deeds is stated to be the main task of the law: goals of maintaining order and safety cannot be achieved without this ideal. The contradiction between the name and essence of human rights protection activity is shown (human rights advocates virtually defend not the right itself but a person). Indeed, human rights protection activity is conducted by prosecutors. This activity (which is actually right destructive activity) is based on explaining the reasons of persons' deeds by their insanity, excitement and hard living conditions. The decision of allowing the courts to change category of crimes into less grave is negatively estimated. The parole institution is considered not as a legal act, but as an act of grace, contradicting the provisions of original sentence. It's suggested that capital punishment can facilitate true humanization of society: it is the last chance to die being a human. Implementation of this punishment can provide the opportunity to take compassion upon a criminal. The author proposes to consider the ideal of social and moral Truth as the highest value principle of law enforcement policy. Our state should support mercy initiatives, but it should not contradict legal principles of the society. The

author states that protection of human rights and dignity should rely on the responsibility of being a human in front of the Highest Truth.

Keywords: essence of law, freedom, responsibility, ideal of Truth, human rights protection activity, liberalization of legislation, legal policy.

Эффективное противодействие преступности в современном мире невозможно без выстраивания ясной и целостной государственной политики в этой области. Теоретико-методологическое обоснование такой политики со стороны правоведов, философов, криминологов и социологов должно включать в себя концептуальную проработку, прежде всего, фундаментальных проблем, связанных с осмыслением сущности и предназначения права. Мы в данной статье остановимся лишь на некоторых из этих проблем, наиболее значимых, на наш взгляд.

В качестве отправной точки нашего анализа следует вспомнить о принципиальной двойственности права в отношении решаемых им задач. С одной стороны, очевидно, что важнейшей задачей права является обеспечение определенного порядка жизни, то есть устойчивости и предсказуемости социальных отношений и процессов, культивирование общепринятых ограничений и алгоритмов действий, обеспечивающих определенное согласование интересов индивидов и социальных групп либо мирное разрешение противоречий этих интересов при их возникновении. Эта задача настолько значима в общественном сознании, что к обеспечению правопорядка зачастую и сводят задачи правового регулирования. В частности, задачи органов внутренних дел привычно формулируются как «охрана общественного порядка» и «обеспечение общественной безопасности».

Однако само изначальное призвание права предполагает наличие и другой стороны, имеющей не менее фундаментальное значение. Эта другая сторона видна даже в тех определениях права, которые, на наш взгляд, еще не достигают настоящей глубины понимания его смысла. Так, например, Иммануил Кант классически определил сущность и цель права следующим образом: «Итак, право — это совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [1, с. 595]. Или же в несколько другой формулировке: «Право есть ограничение свободы каждого условием согласия

ее с такой же свободой каждого другого, насколько это возможно по всеобщему закону» [1, с. 534]. Нетрудно заметить, что базовым понятием в этих определениях является вовсе не «порядок», а «свобода». Речь здесь идет о некоем «всеобщем законе свободы», который является высшим абсолютным ориентиром для правового сознания. Право реализуется через ограничение свободы, но действует оно при этом именно ради свободы, его целью при этом является «равенство в свободе по всеобщему закону» (именно так часто формулируют в краткой форме суть кантовской трактовки права). Таким образом, второй важнейшей задачей права, наряду с обеспечением порядка, является обеспечение свободы человека. Эти две задачи формально противоположны друг другу, но обе они коренным образом принадлежат самой сущности права.

Связь права со свободой — принципиально важный момент, который остается, на наш взгляд, раскрытым неудовлетворительно как у самого Канта, так и во всей последующей западной философии права. Такое положение дел выглядит, на первый взгляд, парадоксально: вся западная традиция социально-философской и правовой мысли, начиная с XVIII века, развивается в парадигме либерализма, который имеет концептуальным ядром именно тему свободы. Однако при этом связь права со свободой представляется либеральному сознанию, скорее, в негативном ключе: «право есть ограничение свободы каждого...». Дело здесь, конечно, в том, как либерализм понимает свободу.

Прежде всего, свобода для либерального сознания тождественна произволу (Кант, как мы видели, употребляет эти термины как практически взаимозаменяемые). Задача права, исходя из этого, в том, чтобы совместить «произвол одного лица с произволом другого», обеспечив каждому равный набор «свобод» («свобода слова», «свобода передвижения», «свобода предпринимательства» и т.д.). Такие «свободы» означают именно безответственный произвол в тех рамках, которые определены всеобщим законом: если

ты не переступаешь установленную черту, то *можешь делать, что угодно, и тебе за это ничего не будет*. Выделенное курсивом понимание свободы вполне соответствует расхожим представлениям о ней, однако оно совершенно неудовлетворительно и примитивно. Не отвечать за свой поступок — это, может быть, приятно и заманчиво, подобные гарантии неприкосновенности и спокойствия человеку необходимы, но вот только к свободе это не имеет ни малейшего отношения. Эта функция права была рассмотрена в начале статьи и сводится она к обеспечению порядка жизни.

Очень показателен тот факт, что, провозглашая высшей ценностью свободу и декларируя, казалось бы, изначальную связь права с обеспечением свободы, либерализм подменяет тему свободы заботами о неприкосновенности, комфорте и безопасности, а право сводит единственно к обеспечению порядка. Еще раз повторим: неприкосновенность личности и частной жизни вообще, гарантии безопасности, удобство жизни, общественный порядок, воплощающий в себе идею устойчивости и предсказуемости жизнедеятельности, — все это представляет собой необходимые внешние условия жизни человека, и обеспечение этих условий является важной задачей права. Однако для настоящего понимания значимости правового регулирования и для правильного выстраивания правоприменительной и правозащитной политики необходимо, на наш взгляд, еще и глубокое осмысление права в связи с темой свободы. При таком осмыслении, как мы стараемся показать, право уже не сводится к функции обеспечения внешних условий жизни, оно приобретает также и вполне определенную духовную значимость.

Уже было сказано, что, сведя свободу человека к правовым «свободам», либерализм фактически исключил из своего рассмотрения свободу в ее настоящем смысле. Никакие правовые гарантии неприкосновенности (что и называется «свободами» в либеральном понимании) не только не могут гарантировать свободы как определенного качества жизни, но даже не имеют никакого отношения к свободе. «Жить свободно», «поступать свободно» — это состояние человека связано не с наличием правовых гарантий, а с духовно обоснованным созиданием своей жизни. Это духовное

самоопределение человека, разумеется, никак не детерминировано извне — на то она и свобода, но это самоопределение не сводится к внутренним переживаниям, оно реализуется в действительном мире — на то она и действительная свобода. Свобода — это не только никого не касающиеся и никому не видные мысли человека, но и его действия, его реальная жизнь в реальном мире. И право с этой точки зрения является не только средством обеспечить внешнее удобство и безопасность жизни, но и прямой реализацией этой духовной свободы человека, направленной на его деятельное самоопределение в действительном мире и на преобразование этого действительного мира.

Как писал И.А. Ильин, «ценность, лежащая в основании естественного права, есть достойная, внутренне-самостоятельная и внешне-свободная жизнь всего множества индивидуальных духов, составляющих человечество» [2, с. 196]. «Внутренняя самостоятельность», духовное достоинство личности в этой формуле поставлены, как мы видим, впереди и обосновывают собой внешнюю свободу. При отсутствии этого первого условия бессмысленной, а часто и уродливой становится внешняя свобода. По сути дела, в этом случае она теряет право называться свободой в настоящем смысле. Дело ведь в том, что «реальная свобода обретается принятием на себя ответственности за свой поступок, отказ от ответственности означает отказ быть свободным» [3, с. 46]. Брать на себя ответственность за происходящее — это единственный способ быть по-настоящему свободным в конкретной ситуации.

Речь, конечно, идет об ответственности как внутренней духовно-нравственной установке. «Взять на себя ответственность» означает, прежде всего, заявить о своей активной и суверенной творческой воле к действию, о внутренней автономии собственных решений и о решимости действовать в соответствии с этими решениями. Собственно говоря, это и означает заявить о своей свободе. Реальная свобода не может быть дана человеку, она не может быть вменена ему, — она обретается только таким «явочным порядком». Однако и внешняя, правовая ответственность имеет самое непосредственное отношение к этой духовной стороне человеческой жизни.

Прежде всего, конечно, правовое регулирование имеет своей основой нравственное сознание долга. То, как жизнь протекает в реальности, то, какие отношения между людьми складываются сами собой в ходе этой реальной жизни, не всегда соответствует тому, как это должно быть, — жизнь нуждается в исправлении. Таков основополагающий смысл нравственного сознания человека, находящий свою особую форму выражения в праве.

Но кроме нравственной обусловленности право имеет и нравственную значимость. Помимо того, что оно черпает свою силу в нравственном сознании, право призвано также и придавать реальную действительную силу нравственным принципам и нормам. Право действует внешним принудительным образом, но, действуя так, оно утверждает именно идею внутренней нравственной свободы. Даже в том случае, когда человек ведет себя несвободно, снимая с себя ответственность за происходящее, идя на поводу у собственных низменных желаний или постороннего влияния, право исходит из признания в нем свободного субъекта деятельности, способного и призванного контролировать свое поведение. Вменяя преступнику внешнюю юридическую ответственность и применяя репрессивные санкции, право утверждает тем самым человеческое достоинство его личности, реальность его человеческой свободы.

Обеспечить нравственную свободу и достоинство личности право само по себе, конечно, не способно. Однако оно является необходимым условием нравственной жизни общества, а не только его внешнего благополучия. Достаточно известны слова В.С. Соловьева: «Право в интересе свободы дозволяет людям быть злыми, не вмешивается в их свободный выбор между добром и злом; оно только в интересе общего блага препятствует злему человеку стать злодеем, опасным для самого существования общества. Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он — до времени не превратился в ад» [4, с. 454]. На наш взгляд, великий русский философ недооценивает значимость права для общественной и личной нравственности. Право не только внешним образом ограничивает зло, но и воспитывает

нравственные начала в человеке. Оно призвано не только устранять и обезвреживать опасные для общества элементы, но и утверждать — хотя бы и внешним образом — духовно-нравственное измерение человеческого бытия.

Человек не является животным именно потому, что живет по другим законам. Его физическое существование, конечно, подчинено тем же законам физики, химии и биологии, но его человеческая жизнь соотносена с иными законами, которые представляют собой требования, обращенные к его свободной воле. В свете этого абсолютной нормой человеческого бытия, конечно, является святость, то есть совершенная реализация в своей жизни этих объективных духовных законов, реализация должного во всей полноте, обретение «Царства Божьего», которое «внутри вас есть» (Лк. 17:21). Но в задачи права это, разумеется, не входит. Сформулированная же Соловьевым задача, — «чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие», — не только правовыми средствами не может быть решена, но и вообще лежит вне компетенции человека. Однако обеспечение человеческого качества жизни на общественном уровне, обеспечение ее соотносительности с духовными ценностями, — это не только достижимая, но и необходимая задача, к решению которой право имеет самое непосредственное отношение.

Человеческое качество жизни с ориентацией на духовные ценности вовсе не означает ни всепрощения, ни отказа от применения материальной силы. Духовная жизнь совершается в сокровенной глубине человеческого сердца, но при этом духовная детерминация может и должна быть присуща человеческой жизни и деятельности во всей ее полноте. В качестве духовного существа, природа которого возглавляется духом, человек имеет потребность в осуществлении Правды. Утверждение идеи Правды в общественном сознании и в реальной жизни общества и составляет духовную значимость права, его высокое общественное призвание.

Не порядок сам по себе, а именно Правда является смыслообразующей целью правового регулирования. Как и не абстрактно понятая свобода является настоящей ценностью личной и общественной жизни человека, а свобода праведная,

свобода, укорененная в Правде. Написание слова «Правда» с прописной буквы в данном случае призвано подчеркнуть, что речь идет о некоей абсолютной духовно-нравственной ценности, о некоем идеале, задающем масштаб человеческого существования. Эта Правда как ценность имеет для права основополагающее значение, она выражает собой во всей полноте сущность и предназначение права. В качестве толкования этого слова В.И. Даль в своем словаре приводит следующий ряд понятий: «истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость, честность, неподкупность, добросовестность» [5, с. 985]. Приведенные им пословицы отражают весьма непростые отношения человека с этой духовно-нравственной ценностью: с одной стороны — «Правдою жить, палат каменных не нажить» [5, с. 985], но в то же время — «Без правды жить легче, да помирать тяжело» [5, с. 986]. С одной стороны — «По правде тужим, а кривдой живем» [5, с. 986], но все-таки — «От правды отстать — куда пристать?» [5, с. 986]. В конечном счете, предельно глубоко на эту тему говорит известная формула: «Не в силе Бог, а в правде» [5, с. 986], — то есть высшей значимостью обладает даже не сила, не успех, не победа, а именно Правда. За Правду нужно держаться не для удобства жизни и не для успеха в делах («палат каменных с нею не наживешь»), а потому, что она свята и потому, что «без нее помирать тяжело».

Если говорить о жизни человека и общества в целом, то Правда является не единственным и даже не высшим ориентиром. Широко известны слова о том, что «милосердие выше справедливости», и это, действительно, так. Как бы ни была высока Правда, ею одной жить, — это не по-человечески, человеческое отношение к жизни предполагает также и сердечное сочувствие к людям, не укладывающееся в рамки справедливости. В некоторых культурах и мировоззренческих системах этот факт рассматривается как проявление человеческого несовершенства и слабости, но, по крайней мере, в культуре христианской, как и мусульманской, идея Милосердия утверждается на абсолютном уровне. Без милости и снисхождения, без великодушия или хотя бы жалости следование правде становится бездушным и механи-

ческим, общество, лишненное милосердия, является нравственно ущербным.

И вот тут мы подошли к принципиально важному моменту. Нравственное сознание общества нуждается, помимо идеала Правды, еще и в идеале Милосердия. Но это не означает, что право должно служить обоим этим идеалам, пытаюсь, по уже приведенному выражению В.С. Соловьева, «лежащий во зле мир обратить в Царство Божие». Право способно действовать во благо общества, только будучи ограничено в своих задачах. Только в том случае, когда право занимает в системе общественной жизни свое собственное законное место, не претендуя прямо на решение всех общественных проблем, оно может косвенно способствовать решению в том числе и этих проблем. Если же на право возлагаются задачи универсального характера, если от права ждут слишком многого, то оно теряет силу даже и для решения своих узких задач.

Задача права не в том, чтобы жалеть людей, а в том, чтобы осуществлять Правду, вершить правосудие, то есть судить о делах людей сообразно идеалу Правды. Милосердие — не дело права, закон милостивым быть не должен. Жалеть и проявлять милосердие должны люди, а не закон, и это является необходимым условием нравственно здоровой общественной жизни. Это, в частности, означает, что люди, выступающие от имени закона, находящиеся на службе закона, на милосердие не имеют права. Право они имеют только на Правду, и в своей служебной деятельности, то есть в служении закону, они должны быть в некотором условном смысле бессердечными во имя справедливости.

На наш взгляд, современные тенденции правоприменительной и правозащитной политики имеют другое направление, порочное в самом своем корне. Так называемая «либерализация» законодательства, то есть его смягчение, является декларированным принципом этой политики. В нашей стране недавняя волна масштабной либерализации уголовного законодательства была связана с инициативами Президента России Д.А. Медведева в 2010-2012 годах. В результате мы видели в «Российской газете» характерные заголовки: «Будьте добры, Ваша честь. Судьям объяснили, как смягчать приговоры» [6].

На этом пути удалось продвинуться весьма существенно: ряд уголовных статей вообще декриминализован, по другим снижены санкции, например, отменен низший порог наказаний в виде ареста, предусмотрен штраф в виде основной меры наказания, отменена возможность содержания под стражей в отношении некоторых категорий подозреваемых и обвиняемых. Правозащитники выражают определенное удовлетворение и уверенность в необходимости дальнейших шагов в этом направлении. Старейший деятель российского правозащитного движения Людмила Алексеева: «Хватит увеличивать наше тюремное население. У нас очень жесткое законодательство, неоправданно часто применяются меры лишения свободы» [7], депутат Государственной Думы Светлана Горячева: «Никто не будет спорить, что снятие нижних барьеров и замена лишения свободы на штрафные и другие санкции, более мягкие, правильное направление. Конечно, места лишения свободы нужно освобождать от лиц, не представляющих большой степени общественной опасности» [7]. Высказанные мысли отнюдь не бесспорны. Разумеется, мало кто (хотя такие тоже найдутся) будет отстаивать совершенно противоположную точку зрения, утверждая, что, чем жестче закон, тем лучше, и что тюремное население нужно стараться увеличивать, держа за решеткой даже тех людей, которые никакой опасности для общества не представляют. Однако не требуется долго учить логику, чтобы знать, что противоположные суждения вполне могут быть одновременно ложны.

В самом наименовании «правозащитной деятельности» допущена — сознательно или нет, трудно сказать — изначальная подмена понятий: речь в этой деятельности идет не о защите права, а о защите человека. Это тоже очень важное общественное дело, но дело другое, — оно аналогично роли адвоката в судопроизводстве. Адвокат — буквально с латыни «приглашенный» — это поверенный в делах, задача которого — защищать интересы клиента, а вовсе не интересы права. Правозащитной деятельностью в адекватном смысле этого слова занимается прокуратура, именно она осуществляет надзор за соблюдением законности, прав и свобод человека и гражданина.

Принципиальная ошибка правозащитников предопределена именно обозначенной выше подменой. По смыслу своей деятельности «правозащитники» призваны заниматься защитой интересов конкретных людей, «милость к падшим призывать», говоря словами А.С. Пушкина, и, говоря его же словами, «разбивать сосуд клеветника», то есть уничтожать оружие клеветы, вставать на защиту несправедливо обвиненного человека. Однако такая адресная помощь, видимо, представляется им «мелочной», они ставят себе задачей влиять на законотворческую и правоприменительную политику государства, гуманизировать в целом правовую систему и общественное сознание. Благие намерения, — а каков итог?

Проект «гуманизации и либерализации» законодательства вдохновляется именно идеалом Милосердия и пытается этому идеалу подчинить право. Однако, пытаясь «очеловечить» правовую систему, этот проект ведет к ее разрушению. Одним из нововведений на путях либерализации стало предоставление судам права изменять категорию преступления на менее тяжкую*. При том, что, как известно, тяжесть совершенного преступления учитывается при определении вида рецидива (ст. 18 УК РФ), привлечении лица к ответственности за приготовление к преступлению (ст. 30 УК РФ), совершении преступления преступным сообществом (ст. 35 УК РФ), назначении наказания по совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ), назначении осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения (ст. 58 УК РФ), освобождении от уголовной ответственности (ст.ст. 75-78, 90 УК РФ), освобождении от наказания (ст.ст. 79, 80, 82, 92, 93 УК РФ) и так далее.

Специалисты отмечают, что в свете изменений, внесенных федеральным законом от 7 декабря 2011 г. N 420-ФЗ, фактически «суд, изменяя категорию преступления, определяет содержание уголовного закона, что не допустимо» [8, с. 57]. Вместо того чтобы руководствоваться законом, судья должен на свое усмотрение оценить

* О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 дек. 2011 г. N 420-ФЗ // Рос. газ. 2011. 9 дек.

степень общественной опасности и фактические обстоятельства преступления. При этом к нему обращены призывы, процитированные выше: «Будьте добры, Ваша честь!» [6]. Нельзя не согласиться с выводом, который делает Л.Ю. Ларина: «Таким образом, ч. 6 ст. 15 УК РФ в нынешней редакции является чрезвычайно неудачной нормой, которая, с одной стороны, создает благоприятные условия для нарушения основополагающих принципов уголовного права, а с другой — выступает серьезным коррупциогенным фактором благодаря отсутствию четких критериев изменения категории преступлений» [8, с. 58]. Если правосудие берет на себя еще и миссию милосердия, то оно правды не вершит, и милосердия настоящего не получается. Получается только попустительство с большим коррупционным потенциалом.

Вернемся к доводам о том, что «места лишения свободы нужно освобождать от лиц, не представляющих большой степени общественной опасности». Даже если конкретный человек не представляет опасности для общества, и его выход на свободу непосредственно ничем не угрожает, то все-таки, будучи возведена в ранг политической установки, приведенная формула несет существенную опасность. Опасность эта заключается в том, что право не творит Правды, право изменяет своему призванию. Если преступнику, задержанному группой захвата, оформили явку с повинной, на суде учли его тяжелое детство и трудное жизненное положение, назначив минимальный срок, а затем он условно-досрочно был освобожден, то такое издевательство над идеей правосудия разрушает всякое уважение к закону и отравляет общественную атмосферу.

Условно-досрочное освобождение по своему изначальному смыслу представляет собой неправовой акт, это, по сути, — помилование вразрез с требованиями закона, выраженными в первоначальном приговоре. В определенных случаях такой шаг оправдан, но это не отменяет его изначальную неправовой характер. Право, конечно, не является абсолютной ценностью и истиной в последней инстанции, но пытаться его усовершенствовать, вводя в его содержание чуждые для него элементы, — это означает подрывать основы правосознания. В случае с условно-досрочным

освобождением имеются и прямые правовые коллизии. Вопрос об условно-досрочном освобождении разрешается районным (городским) судом по месту отбывания наказания независимо от подсудности уголовного дела (ч. 3 ст. 396 УПК РФ). Это означает, что орган судебной власти, занимающий в иерархии федеральных судов общей юрисдикции самую низкую ступеньку, наделен правом коррекции приговоров и последующих судебных постановлений вышестоящих судов в части вида и размера наказания. Вообще процедура условно-досрочного освобождения прописана в законе достаточно фрагментарно. Эффективность же этой широко применяемой меры ясно опровергается фактами. Помощник Новгородского прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях А. Михайлов пишет: «сейчас в России условно-досрочно освобождается 48 % осужденных, т.е. фактически каждый второй. Однако уровень рецидива условно-досрочных освобожденных практически сопоставим с теми, кто освобождается по отбытию срока наказания. Значит, функцию исправления осужденных институт условно-досрочного освобождения не выполняет» [9, с. 28]. Статья написана в 2005 году, но зафиксированная ситуация сохраняется и по сей день, разве что увеличился процент условно-досрочно освободившихся: правозащитники сетуют на излишне репрессивный характер Российского государства, большинство людей, совершивших преступления, не несут даже того наказания, которое определено им «подобревшими» судами, а общественное мнение все больше тоскует по «сильной руке» и жесткому законодательству.

Еще раз повторим: собственной и коренной задачей права является утверждение, насколько это вообще возможно, идеала Правды в суждении о делах людей. Задача обеспечения порядка и безопасности правильно ставится и решается только в том случае, если первичен этот идеал Правды. Задача обеспечения свободы человека только тогда имеет здоровые предпосылки для своего решения, когда она укоренена в утверждении Правды. Задача исправления преступника правом непосредственно ставиться вообще не должна, но, утверждая идеал Правды, — и только таким единственным образом — право

может способствовать решению также и этой задачи.

В свете этого ответственность «по всей строгости закона» должна быть не эмоциональной угрозой, высказываемой по особым поводам, а стандартом правовой политики государства и правоприменительной практики судов. Только в том случае, когда закон «бессердечен», возникает пространство для проявления сердечности людей. Только без оглядки на человеческие чувства, без оглядки на милость и снисхождение служат Правде, право способно выполнять свои задачи и вносить свой вклад в укрепление духовно-нравственных основ человеческой жизни, предполагающей в том числе и чувства, и милость, и снисхождение. Служение Правде — это тот способ, которым право утверждает высокое достоинство человека. В то же время так называемая «правозащитная» (а на деле праворазрушительная) деятельность зачастую построена на том, чтобы вывести человека из-под действия человеческих норм жизни, списав его поступки на невменяемость, на аффект, на тяжелые условия жизни, то есть, — лишив его человеческого достоинства (предполагающего свободу и ответственность), обеспечить ему животво-благополучное существование.

В связи с нашей темой нельзя не затронуть и проблему применимости смертной казни. Не только преступление является нарушением человеческих норм жизни, наказание тоже неизбежно их нарушает, применяя внешнее принуждение. Однако это отступление от идеала нравственного совершенства является вынужденным и призвано восстановить справедливость. При этом существует определенная черта, переходя за которую, преступление — в интересах Правды — требует предельно катастрофического ответа, именно смертной казни. Речь не идет об эмоциях или жажде мести, речь о том, что, если общество в лице своей правовой системы на определенные преступления, которые потрясут своей запредельностью, реагирует так, словно бы ничего из ряда вон выходящего не произошло, оно глубоко больно в нравственном смысле и усугубляет эту нравственную порочность. Не все запреты одинаковы, бывает нравственно осуждаемое нехорошее поведение, а бывает

нравственно невозможное, то есть табу. Человеческая культура, для того, чтобы существовать, должна опираться на такие абсолютные запреты, утверждающие фундаментальные основы человеческой жизни. Именно здесь пролегает та черта, которая отделяет преступление, еще находящееся в пространстве человеческой культуры и предполагающее твердую, но спокойную реакцию, от преступления, ответ на которое должен быть только катастрофическим. Он должен быть таким, чтобы мы оставались людьми, чтобы наш мир сохранял устойчивость и нравственную упорядоченность, чтобы в нашем мире была Правда.

Можно сказать, и вполне обоснованно, что смертная казнь — это бесчеловечный вид наказания. Но, как ни покажется парадоксальным, только проявляя такую бесчеловечность, право способно содействовать истинной гуманизации общества. Прежде всего, смертная казнь и для преступника зачастую является последним шансом на то, чтобы умереть человеком: «Что же делать, если для многих людей, закореневших во грехе, покаяние невозможно без того, чтобы встать лицом к лицу перед неотвратимой смертью?» [10, с. 39]. А кроме того, зачастую только применение смертной казни способно открыть возможность к тому, чтобы пожалеть в преступнике человека. Ведь, несмотря ни на что, «человека жалко всегда. Даже если он совершил ужасающие преступления и не раскаивается в этом, даже если он настолько одержим злом, что и близость неотвратимой смерти не вразумила его. Жалко. Но только тогда его и можно пожалеть, когда его казнят» [10, с. 40].

В основе государственной политики в области законотворчества, правоохранительной и правозащитной деятельности, правоприменительной практики должно лежать признание высшим и единственным ценностным ориентиром правовой системы идеала социально-нравственной Правды. Задачи реализации милосердия необходимо оставить на долю благотворительных организаций, волонтерских движений, а также иных «учреждений человеколюбия», но прежде всего — на совесть и нравственное чувство каждого человека лично. Государство может и должно оказывать разнообразную поддержку этим общественным и личным инициативам в

направлении милосердия, может и должно само реализовывать определенные благотворительные проекты, но это никак не должно затрагивать правовых основ существования общества. Понятие о естественном праве, обеспечивающее эти правовые основы общественной жизни, предполагает признание духовного достоин-

ства личности и приоритета нравственных обязанностей человека. Настоящая защита человеческих прав и человеческого достоинства должна, таким образом, исходить из обязанности быть человеком, из того, что ответственность перед лицом Высшей Правды составляет необходимое основание человеческого достоинства.

Список литературы

1. Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. 1471 с.
2. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. С. 149-414.
3. Анисин А.Л. Концептуальные и реальные смыслы свободы // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. N 31 (212). Философия. Социология. Культурология. Вып. 19. С. 45-47.
4. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. 2-е изд. М.: Мысль, 1990. 892 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. 3-е изд., испр. и доп. Т. 3. П-Р. СПб.; М.: Издание т-ва М.О. Вольф, 1907. 1782 с.
6. Куликов В. Будьте добры, Ваша честь. Судьям объяснили, как смягчать приговоры // Рос. газ. Федеральный выпуск. 2012. 4 июля. N 5823 (150).
7. Гирина З. О либерализации уголовного законодательства [Электронный ресурс] // НОВОСТИ Samara24.ru. 10.03.2011 г. URL: http://gorod.samara24.ru/news/society/2011/03/10/o_liberalizacii_ugolovnogozakonodatelstva/ (дата обращения: 23 марта 2014 г.).
8. Ларина Л.Ю. К вопросу об изменении судом категории преступления // Юридическая наука. 2013. N 2. С. 56-59.
9. Михайлов А. Условно-досрочное освобождение // Законность. 2005. N 10. С. 28-31.
10. Анисин А.Л. Проблема смертной казни: криминологический, социальный и нравственный аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. N 2 (20). С. 34-41.

References

1. Kant I. *Osnovy metafiziki nrvstvennosti* [Basics Metaphysics of Morals]. Moscow, Mysl' Publ., 1999. 1471 p.
2. Il'in I.A. *O sushchnosti pravosoznaniya* [On the essence of justice]. *Sobranie sochineniy. V 10 t. T. 4.* [Collected Works. In 10 volumes. Volume 4]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1994. Pp. 149-414.
3. Anisin A.L. *Kontseptual'nye i real'nye smysly svobody* [Conceptual and a real sense of freedom]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya* – Herald of the Chelyabinsk State University. 2010, no. 31 (212). Philosophy. Sociology. Cultural Studies. Edition 19, pp. 45-47.
4. Solov'ev V.S. *Opravdanie dobra. Nrvstvennaya filosofiya* [Justification of the Good. Moral Philosophy]. *Sochineniya. V 2 t. T. 1* [Works. In 2 volumes. Volume 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 892 p.
5. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. T. 3. P-R.* [Explanatory Dictionary of Russian language. Volume 3. P-R]. St. Petersburg; Moscow, Publishing partnership of M.O. Wolf, 1907. 1782 p.
6. Kulikov V. *Bud'te dobry, Vasha chest'. Sud'yam ob'yasnili, kak smyagchat' prigovory* [Please, Your Honor. Judges explained how to mitigate sentences]. *Rossiyskaya gazeta. Federal'nyy vypusk* – Russian newspaper. Federal edition. 2012, 4 July, no. 5823 (150).
7. Girina Z. *O liberalizatsii ugolovnogozakonodatel'stva* [On the liberalization of criminal law]. *NOVOSTI Samara24.ru. 10.03.2011 g.* [NEWS Samara24.ru. 10.03.2011]. Available at: http://gorod.samara24.ru/news/society/2011/03/10/o_liberalizacii_ugolovnogozakonodatelstva/ (Accessed 23 March 2014).
8. Larina L.Yu. *K voprosu ob izmenenii sudom kategorii prestupleniya* [On the question of changing the category of crime]. *Yuridicheskaya nauka* – Legal Science, 2013, no. 2, pp. 56-59.
9. Mikhaylov A. *Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie* [Conditional early release]. *Zakonnost'* – legality, 2005, no. 10, pp. 28-31.
10. Anisin A.L. *Problema smertnoy kazni: kriminologicheskij, sotsial'nyy i nrvstvennyy aspekty* [The problem of the death penalty: criminological, social and moral aspects]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal science and law enforcement practice, 2012, no. 2 (20), pp. 34-41.